

Изучение прозы А.П.Чехова

Ксенофонтов И. В.

Приступая к изучению творчества А.П.Чехова в X классе, следует помнить о том, что данная система уроков одновременно завершает исследование литературного процесса XIX века и определяет многие важнейшие идейные и художественные тенденции русской литературы века XX. Подобное замечание является следствием весьма противоречивой оценки, которую давали творчеству писателя многие современники, видевшие в нем то продолжателя традиций реализма, то предтечу русского модернизма. Возможно, ближе всех к истине оказался Ю. Айхенвальд, отметивший «удивительное сочетание объективности и тонко-интимного настроения», составляющее «самую характерную и прекрасную черту литературной манеры Чехова» (1, 326). Именно стремление писателя выявить в реальной действительности то, что наполняет смыслом человеческую жизнь, и определяет связующую все уроки в единое целое проблему духовных исканий ЛИЧНОСТИ.

Цель первого урока определяется стремлением обозначить ту пропасть, которая разверзается перед человеком и втягивает его в себя, безжалостно и грубо разрушая и духовно, и физически. Таким образом, ключевой на уроке становится проблема распада личности. Своеобразной точкой отсчета становится созданный в 1889 году рассказ «Скучная история», требующий серьезного комментария учителя, который обращает внимание учащихся на трагедию главного героя профессора Николая Степановича. Этот награжденный многочисленными русскими и иностранными орденами «тайный советник и кавалер», имя которого «в России известно каждому грамотному человеку», а за границей «упоминается с кафедр с прибавкою известный и почтенный» (2, 251), с горечью признается, что прожил долгую жизнь без «определенного мировоззрения». Возможно, именно по этой причине он, всей душой любя свою воспитанницу Катю, не способен дать ей, запутавшейся в сложной ситуации, мало-мальски внятного совета. «Что же я могу сказать? – недоумевает он. – Ничего я не могу» (2, 309). Непонимание «общей идеи» жизни становится в этот момент знаком состояния и старого, умного, образованного человека, и молодой женщины, чья душа, как замечает Николай Степанович, «не знала и не будет знать приюта всю жизнь» (2, 309).

После слова учителя начинается обсуждение рассказов «Дуэль» (1891), «Человек в футляре» (1898), «Крыжовник» (1898) и «Ионыч» (1898). Исследование сюжетной основы каждого из этих произведений предполагает выявление мировоззренческой позиции основных героев.

В рассказе «Дуэль» основными идейными противниками оказываются чиновник Лаевский и зоолог фон Корен. Именно их стойкая взаимная неприязнь в конечном счете приводит к поединку, об исходе которого речь на уроке пойдет позже. О причинах обоюдной антипатии размышляет в начале рассказа фон Корен, почувствовавший в Лаевском «необыкновенную лживость» и распушенность; ему глубоко противна привычка Лаевского играть в лишнего человека – он видит в нем, скорее, «распутство, необразованность и нечистоплотность» (2, 370). Лаевский же рекомендует своего бывшего приятеля как натуру «твердую, сильную, деспотическую»; для него люди, утверждает он, «щенки и ничтожества, слишком мелкие для того, чтобы быть целью его жизни» (2, 398). Для учащихся же очень важно понять, как сами герои выражают свои взгляды. В этом смысле очень важной оказывается фраза Лаевского, произнесенная в разговоре с доктором Самойленко: «Я пустой, ничтожный, падший человек! Воздух, которым дышу, это вино, любовь, одним словом, жизнь я до сих пор покупал ценою лжи, праздности и малодушия» (2, 399). Фон Корен же, будучи сторонником теории Дарвина, провозглашает крестовый поход против «всего того, что так или иначе вредит людям и угрожает им опасностью в настоящем и будущем», и предлагает физически уничтожать «нравственно и физически ненормальных» (2, 431). Любопытна в данном

отношении оценка позиции фон Корена доктором Самойленко: «Если людей топить и вешать, то к черту твою цивилизацию...» (2,376). Тот же Самойленко не принимает в Лаевском то, что тот «много и не вовремя» пьет, играет в карты, презирает свою службу, живет не по средствам и часто употребляет в разговоре «непристойные выражения». Может даже показаться, что именно Самойленко и есть тот герой, который является носителем искомой «общей идеи». Однако именно этот добрый и великодушный человек достает для Лаевского деньги, хотя прекрасно понимает, что тот убегает от ответственности за судьбу Надежды Федоровны. В этом смысле особого осмысления требуют произнесенные Лаевским в финале рассказа слова: «Никто не знает настоящей правды». Чуть позже он в своем внутреннем монологе по-своему объяснит, почему «в поисках за правдой» люди делают «два шага вперед, шаг назад»: их постоянно тормозят «страдания, ошибки и скука жизни» (2,455).

Исследование этой мысли позволяет обозначить переход к анализу двух рассказов из «маленькой» чеховской трилогии: «Человек в футляре» и «Крыжовник». Истории, рассказанные гимназическим учителем Буркиным и ветеринарным врачом Чимша-Гималайским, в сущности, представляют собой попытку выявления типа личности, достигшей, как выразился Буркин, «своего идеала», или, как заметил Чимша-Гималайский, «цель в жизни». Очень важно, чтобы учащиеся увидели в Беликове не только зловещую фигуру, погрузившую маленький городок в состояние страха «громко говорить, читать книги, помогать бедным, учить грамоте»; не только запрятанного в футляр инквизитора, провозгласившего принцип: «Как бы чего не вышло», но и маленького дрожащего человека, чья шинель вдруг расползлась по швам и лопнула, а сам он оказался абсолютно беззащитным и умер. Любопытно, что за его гробом идут люди в калошах и с зонтами, что позволяет Буркину горько заметить: «И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!» (3,53). Словно именно из этой толпы выходит Николай Иванович Чимша-Гималайский, который потратил всю свою жизнь на то, чтобы вкушать собственный кислый крыжовник и ощущать себя при этом счастливым человеком, «заветная мечта которого осуществилась так очевидно» (3,61). И лежащий в гробу с «кротким», «приятным» и «даже веселым» выражением лица Беликов, и абсолютно счастливый Чимша-Гималайский, похожий на ребенка, «который наконец получил свою любимую игрушку», словно пребывают в состоянии «общего гипноза», позволяющего не видеть, что в жизни торжествуют «наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых... бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...» (3, 62). Эти слова помогают учащимся сделать вывод о том, что чеховские персонажи все еще очень далеки от «общей идеи» и путь их оканчивается тупиковым.

Может показаться, что герой рассказа «Ионыч» выбирает иное направление движения. Честная трудовая жизнь земского врача «среди больных и мужиков» способна сделать Старцева истинным подвижником. Однако очень быстро он сворачивает на проторенную жителями города С. дорогу, приводящую к превращению в «языческого бога». Естественно, на уроке возникает вопрос о причинах подобного выбора. В их числе чаще всего называют и общую атмосферу города, и влияние Туркиных, невольно давших понять, что «если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город», и отказ Катерины Ивановны на его предложение. Важно, чтобы учащиеся поняли, что Старцев делает свой выбор совершенно сознательно. Анализ сцены на городском кладбище позволяет увидеть, насколько изначально духовно чуток этот человек. Пришедший сюда, чтобы объяснить в любви, он вдруг видит то, чего «больше уже не случится видеть: мир, не похожий ни на что другое, – мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную» (3, 31). Однако вскоре этот человек, переживающий и волнение, и страсть, словно пробуждается и возвращается в мир, где луна вдруг исчезает и словно опускается занавес. Становится темно и холодно, и Старцев «с наслаждением» садится в коляску, испытывая лишь усталость. На следующий день к Туркиным приезжает уже другой

человек: этот Старцев думает о том, что приданого «дадут, должно быть, немало», что можно будет «завести обстановочку» и даже бросить земскую службу. Он уже сделал выбор, и отказ Катерины Ивановны словно ставит точку «в маленькой пьесе на любительском спектакле». Именно на этой стадии исследования рассказа можно сделать вывод о том, что Старцев сам превращает себя в Ионыча, сам гасит в себе «огонек», потому что слишком много «хлопот, однако», требует жизнь, насыщенная трудом и любовью. Потому и превращается Старцев через несколько лет в «пухлого, красного» господина, желающего «поспеть и здесь, и там», что поиск смысла жизни – дело слишком трудное и утомительное.

Таким образом, на первом уроке учащиеся должны понять, что именно отсутствие «общей идеи» не просто заводит человека в нравственный тупик, но и убивает в нем живую личность.

Логика построения второго урока определяется той сюжетной линией, которая была обозначена в каждом из уже изученных произведений. Речь идет о любовных взаимоотношениях героев, дающих нам возможность предположить, что именно способность чувствовать и страдать становится критерием «живой жизни» человеческой души. Именно поэтому основной на данном уроке становится проблема постижения любви.

Исследовательская работа ведется с рассказами «Попрыгунья» (1892), «Страх» (1892), «Душечка» (1898), «О любви» (1898) и «Дама с собачкой» (1899).

Готовясь к уроку, учащиеся не только читали эти произведения, но и пытались найти в них фразы, передающие смысл представлений героев о любви. Задача учителя состоит в том, чтобы соединить их в логический ряд, позволяющий представить проблему в развитии.

Действительно, все пять рассказов объединяются темой любви, но в каждом из них возникает особая модель взаимоотношений героев. Исследуя перипетии судьбы Ольги Ивановны Дымовой, учащиеся понимают, что цель жизни этой женщины состояла в неустанном стремлении «знакомиться и коротко сходить с знаменитыми людьми» (4, 10). В число последних попадали все те, кому довелось «прославиться хоть немножко и заставить о себе говорить». Ольга Ивановна «боготворила знаменитых людей, гордилась ими и каждую ночь видела их во сне» (4, 10). Именно эта неутолимая «жажда» бросает ее в объятия художника Рябовского, с которым она и отправляется на волжские «этюды». Их недолгая связь вскоре прерывается, и Ольга Ивановна возвращается к мужу, который все прекрасно понимает, но ни словом не упрекает свою жену. Сама она и не думает оправдываться и везде повторяет слова, так понравившиеся ей: «Этот человек гнетет меня своим великодушием». Лишь болезнь Дымова, ценой жизни спасавшего маленького мальчика, и его смерть открывают Ольге Ивановне глаза на этого человека. Талантливейший врач, прекрасный ученый, замечательный человек, он и был единственно достойным поклонения, но Ольга Ивановна слишком поздно понимает, что «прозевала» его и никогда он не услышит от нее слов о том, что он «редкий, необыкновенный, великий человек и что она будет всю жизнь благоговеть перед ним, молиться и испытывать священный страх» (4,30).

Анализируя отношение к любви Оленьки Племянниковой, героини рассказа «Душечка», несложно сделать вывод о том, что и брак с антрепренером Кукиным, и семейная жизнь с управляющим лесным складом Пустоваловым, и близкие отношения с ветеринарным врачом Смирниным были для нее способом заполнения внутренней пустоты. Ей, в сущности, и не важно, кто рядом с ней, а важно, чтобы он имел хоть какое-то «мнение», которое так удобно разделять. Может быть, именно поэтому вслед за сыном Смирнина она впервые за долгие годы с уверенностью повторяет, что островом называется часть суши, со всех сторон окруженная водой. Вряд ли она способна в любви отдавать себя, скорее, можно говорить об имитации этого чувства.

В определенной степени играет в любовь и герой рассказа «Страх», заводящий роман с женой своего приятеля Дмитрия Петровича Силина. Интересно, что накануне свидания с Марией Сергеевной он, размышляя о жизни, формулирует достаточно циничную программу действий: «Не церемонься же с нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери все, что можно урвать от нее» (4,137). Рассуждая таким образом, он «урывает» у Силина его жену,

чувствуя при этом в ее страстности «что-то неудобное и тягостное». Позже он и сам не понимает, почему все «вышло именно так, а не иначе» (4, 138). Вновь учащиеся сталкиваются с ситуацией подмены истинного чувства, с фальшивой игрой, оставляющей неприятный осадок в памяти.

Рассказы «О любви» и «Дама с собачкой» исследуем параллельно. Дело в том, что рассказанные в них истории до определенной степени близки: отношения Павла Константиныча Алёхина и Анны Алексеевны Луганович явно противоречат нормам общепринятой морали, равно как и отношения Дмитрия Дмитрича Гурова и Анны Сергеевны фон Дидерич. Разница лишь в том, что Алёхин и Луганович не дают воли чувствам, скрывая свою любовь не только от окружающих, но и от себя, тогда как Гуров очень быстро вовлекает свою ялтинскую знакомую в привычный для себя курортный роман. При этом и Алёхин, и Гуров скрывают свои чувства. Так, Алёхин искренне боится, что его «тихая, грустная любовь вдруг грубо оборвет течение жизни» мужа и детей Анны Сергеевны (3, 72). Гуров же, идя на свидание с Анной Сергеевной, тайно приехавшей к нему в Москву, думает о том, что «ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не будет знать» (3, 141). Однако подобные рассуждения приводят к совершенно различным действиям героев. Алёхин решает «бороться» со своей любовью; точно так же ведет себя и Анна Алексеевна, причем оба понимают, что, дай они волю чувствам, им придется «лгать или говорить правду», что «одинаково страшно и неудобно» (3,72). Лишь в финале рассказа, расставаясь, герои понимают, «как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что... мешало любить» (3, 74). В отличие от них Гуров и Анна Сергеевна вдруг осознают, насколько это несправедливо, что они «видятся только тайно, скрываются от людей, как воры» (3,142). Неожиданно они понимают, что дальше так жить невозможно, что он и она любят друг друга, «как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья; им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга» (3,143). В этот момент они оказываются перед необходимостью принять решение, чтобы начать жить «новой, прекрасной жизнью». Если Алёхин и Анна Алексеевна проживают свою супружескую жизнь в воображении, порой даже путая реальность с иллюзией, то Гуров и Анна Сергеевна готовы освободить себя от «необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться подолгу», выбраться из этих «невыносимых пут» лжи. И хотя решение еще не принято, «самое сложное и трудное только еще начинается» и до новой жизни «далеко- далеко», они уже изменились и обрели ту долгожданную «общую идею».

Окончательные выводы на уроке можно сделать после выполнения на доске домашнего задания. Соотнесение и осмысление основных высказываний о любви поможет в этом.

Пути постижения смысла любви героями А.П.Чехова

«Попрыгунья». «Волга, луна, красота, моя любовь, мой восторг, а никакого нет Дымова... Не нужно мне прошлого, мне дайте одно мгновение... один миг».

«Душечка». «Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого».

«Страх». «Это была большая, серьезная любовь со слезами и клятвами, а я хотел, чтобы не было ничего серьезного – ни слез, ни клятв, ни разговоров о будущем».

«О любви». «Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе».

«Дама с собачкой». «Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали все в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих».

Становится очевидно, что одним из основных факторов обретения смысла жизни становится только та любовь, которая изменяет человека и определяет его стремление к свободе выбора своей собственной судьбы.

Тема третьего урока логически вытекает из вывода, обозначенного на предыдущем уроке. Подлинная любовь открывает человеку путь к свободе, но неужели человек не свободен изначально? В определенной степени ответ на этот вопрос дает герой рассказа «Страх» Дмитрий Петрович Силин: «Я сознаю, что условия жизни и воспитание заключили меня в тесный круг лжи» (3,131).

Таким образом, в центре внимания на данном уроке оказывается проблема обретения свободы. Основой исследования становятся рассказы «Палата № 6» (1892) и «Черный монах» (1894), смысловая соотнесенность которых не вызывает сомнений. На первый взгляд может показаться, что и Андрей Ефимыч Рагин, и Андрей Васильич Коврин оказываются в схожей ситуации. Действительно, доктор Рагин, проявляющий живой интерес к душевнобольному Громову, в глазах своих приятелей и сослуживцев сам предстает сумасшедшим; магистр Коврин, для которого таинственный черный монах — «часть природы», объявляется своей женой «психически больным». Однако этим, очевидно, и исчерпывается их сходство. Очень важно поэтому проанализировать круг причин, приводящих героев к подобному состоянию. Доктор Рагин, некогда получивший назначение в городскую больницу, сталкивается с вопиющими беспорядками, но устранять их вовсе не намерен, ибо, любя «ум и честность», он ничего не может сделать, чтобы «устроить умную и честную жизнь». Он тяготится службой и, отбыв необходимое время в больнице, с облегчением покидает ее. Да, он размышляет на досуге о бессмертии души, о необходимости преобразований, но очередная рюмка водки успокаивает его и выводы, которые он делает, оказываются чрезвычайно удобными: «Сам по себе я ничто, я только частица необходимого социального зла... В своей нечестности виноват не я, а время...» (4,92). В сущности, только случай приводит его в отделение для душевнобольных, и Громов заинтересовывает его лишь как человек, «с которым можно поговорить», который «умеет рассуждать и интересуется именно тем, чем нужно». Со-всем иначе движется к своему состоянию магистр Коврин: много и напряженно работая, он «растраивает» нервы и приезжает отдохнуть в имение Песоцких. Однако и здесь он ведет «нервную и беспокойную жизнь»: много читает и пишет, изучает итальянский язык, практически не спит. Находясь в таком возбужденном состоянии, он начинает общаться с черным монахом, материализовавшимся героем загадочной древней легенды. Для учащихся совершенно очевидно, что Рагин объявляется сумасшедшим лишь потому, что нарушил общепринятые нормы поведения; Коврин же обретает статус сумасшедшего как награду за непрестанную работу; как венец, одновременно дающий право на неземное блаженство и обрекающий на житейские мытарства. Объявленные безумцами, герои и ведут себя по-разному: Рагин, оставленный в палате среди душевнобольных, думает: «Все равно... Все равно, что фрак, что мундир, что этот халат», — и лишь по прошествии часа пытается выяснить «недоразумение». Избитый сторожем Никитой, он впервые в жизни понимает, какую «страшную», «невыносимую» боль испытывали находившиеся в этой палате люди, и совесть, «несговорчивая и грубая», заставляет его «похолодеть от затылка до пят».

Для Коврина состояние безумия не становится неожиданным: он словно готов к нему, тем более что монах убеждает его в том, что «гений сродни умопомешательству» и отныне Коврин является «избранником Божиим», призванным служить вечной правде. Будучи абсолютно счастливым, Коврин совершенно искренне хочет осчастливить всех вокруг и делает предложение Тане. Однако именно Таня, став свидетельницей разговора мужа с невидимым собеседником, принимает решение лечить его от душевного расстройства. И хотя Коврин пытается шутить, но в его словах чувствуются и горечь и смутение: «Поздравьте, я, кажется, сошел с ума». Лечение быстро превращает его в человека угрюмого и озлобленного. «Зачем, зачем вы меня лечили? — спрашивает он через полгода у Тани. — Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь... я — посредственность, мне скучно жить...» (4, 251). Желая вернуть прошлое состояние, он разрывает отношения с Таней, чем убивает ее отца, и вновь обретает возможность встречи с монахом. Их разговор становится последним в жизни Коврина, умирающего в этот момент.

Соотнося ситуации смерти, можно сделать ряд выводов, помогающих найти пути решения проблемы свободы, обозначенной в начале урока. Для этого мы прибегаем к помощи опорной схемы, основанной на ключевых фразах, завершающих повествование о земной жизни Рагина и Коврина. Работа осуществляется совместно учителем и учениками, и каждый шаг тщательно комментируется. Важно, чтобы размышления о смерти были вписаны в кон-

текст существующей в литературе традиции, определяемой творчеством И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого. Особое внимание уделим именно толстовской концепции смерти как состояния переходного, открывающего человеку путь к свету и истине. Вспомним эпизоды смерти князя Андрея Болконского, «просыпающегося от жизни», и Ивана Ильича, вырывающегося за пределы темного тоннеля.

Логика схемы определяется представлением о жизни как замкнутой структуре, в границах которой протекает земное существование. Лишь смерть нарушает границы и ставит в ситуацию выбора, являющегося следствием мировоззренческой, духовной и нравственной работы личности.

Сравнивая описание смерти двух героев, учащиеся закономерно подойдут к системе выводов.

«Палата № 6». Жизнь – «тесный круг лжи». Рагин: смерть – «вечное забытьё» – нежелание бессмертия.

«Черный монах». Коврин: он чувствовал, что «умирает потому только, что его слабое человеческое тело уже утеряло равновесие и не может больше служить оболочкой для гения».

Оба героя вырываются за пределы жизненного круговорота, но для Рагина все прекращается и наступает «вечное забытьё», а Коврин наконец-то обретает состояние подлинной свободы, которая для него неразрывно связана со служением вечной правде.

Слово «правда» в данном контексте может показаться понятным, но задача учителя как раз и состоит в том, чтобы помочь учащимся осознать его смысловое наполнение всем чеховском творчестве. Именно поэтому четвертый урок посвящается исследованию проблемы поиска правды. Для анализа рекомендуются рассказы «Студент» (1894) и «Архиерей» (1902).

Герои этих произведений – служители церкви, с той лишь разницей, что Иван Викопопольский пока еще является студентом духовной академии, а преосвященный Петр – викарный архиерей. Иначе говоря, они словно воплощают начальный и итоговый этапы карьеры священнослужителя, и любопытно предположить, что два десятка лет назад Петр тоже был семинаристом и вполне мог возвращаться в страстную пятницу в дом своего отца, такого же деревенского дьякона. Важно, что приближение Пасхи как будто освобождает героев от житейского, бытового и позволяет им обрести то главное, что составляет «главное в человеческой жизни и вообще на земле».

Сравнение состояний героев позволяет обнаружить много общего: оба вдруг оказываются одинокими (Иван идет по пустынной тропинке; болевающий Петр во время всеобщей молитвы под вербное воскресенье «в вечерней мгле церкви» не видит «ни одного человека»); оба ощущают холод словно возвращающейся зимы; оба вспоминают своих родителей. Наконец, болезнь Петра погружает его в состояние глухой тоски и физических мучений, а окочевевший и голодный Иван думает о том, что «такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета» (4, 306). Ощущение заброшенности заставляет этих людей вслушаться в себя и обнаружить что-то сокровенное. Иван рассказывает двум случайно встретившимся женщинам, вдовам Василисе и Лукерье, евангельский сюжет об отречении Петра, а Петр читает первое Евангелие: «Ныне прославился Сын Человеческий». Оба в этот момент переживают сильнейшее эмоциональное возбуждение: Иван воспринимает слезы женщин как свои собственные, а Петр, забыв о болезни, чувствует себя бодрым и здоровым. Размышляя о причинах подобного состояния, учащиеся вполне способны предположить, что герои словно попадают в иное измерение, покинув привычную систему координат. Это именно освобождение, которое происходит не в момент смерти, а при жизни. Дальнейшая работа в классе связана с анализом финала рассказа «Студент» и предсмертного видения Петра. Иван, продолжающий свой путь, вдруг переживает состояние «невыразимо сладкого ожидания счастья», «неведомого» и «таинственного». Причина этого заключается в том, что он осознает великую силу

«правды» и «красоты», всегда направлявших человеческую жизнь. Что означают эти категории? Ответ на вопрос дает сон умирающего Петра, которому представляется, что он «уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно» (3, 200). Это описание удивительно органично соотносится с дневниковой записью А.П.Чехова о том, что между безверием и верой лежит огромное поле, по которому в течение жизни движется человек. Вывод, который учащиеся делают на уроке, должен прозвучать как итог всей предшествующей работы. «Правда» – это ощущение духовной свободы, это глубокая вера, это желание совершать важное дело; это ощущение жизни, как сказано в рассказе «Студент», «восхитительной, чудесной и полной высокого смысла». «Красота» – это открытость души для любви, способной изменить жизнь человека, дарующей ему право быть хозяином своей судьбы.